

ВРЕМЯ НЕ ЛЕТИТ. ОНО ТОЛЬКО ЗАБИРАЕТ.

ПОСЛЕДНИЕ — ИЗ — БЕССМЕРТНЫХ

КНИГА ПЕРВАЯ

МЕХАНИК

ARDEN VALE

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Arden Vale

**Последние из бессмертных.
Книга -1. Механик**

«Автор»

2026

Vale A.

Последние из бессмертных. Книга -1. Механик / А. Vale —
«Автор», 2026

Можно ли жить вечно и при этом оставаться человеком? Арен привык считать себя обычным человеком. Но однажды древний механизм, найденный среди старинных артефактов, пробуждается в его присутствии и открывает тайну, которая уходит корнями далеко за пределы человеческой истории. Вскоре Арен оказывается втянут в опасное противостояние. За ним начинают охотиться люди, о существовании которых он даже не подозревал, а следы ведут к древнему Ордену и загадочным бессмертным, скрывающимся среди людей уже много веков. Вместе с Лиарой Арен отправляется в путь, где каждое новое открытие заставляет сомневаться в прошлом, союзниках и даже в собственной природе. Пока он пытается понять, кем является на самом деле, кто-то из бессмертных уже знает ответ. И этот ответ способен изменить судьбу не только Арена, но и всего мира.

© Vale A., 2026

© Автор, 2026

Arden Vale

Последние из бессмертных.

Книга -1. Механик

ПОСЛЕДНИЕ ИЗ БЕССМЕРТНЫХ

Книга первая

Arden Vale

Фантастический роман

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Механизм

Глава 2. След

Глава 3. Охота

Глава 4. Первый удар

Глава 5. Бегство

Глава 6. Восточный узел

Глава 7. Знак Эона

Глава 8. Эйрен

Глава 9. Память

Глава 10. Линия Вейров

Глава 11. Дом

Глава 12. Архен

Глава 13. Вечные

Глава 14. Протокол Эона

Глава 15. Возвращённый

Глава 16. Свет после веков

Эпилог

Глава 1. Механизм

— ◆ —

Дождь начался ещё до рассвета. Сначала он был почти неслышным — редкие капли постукивали по черепице мастерской, будто кто-то осторожно перебирал пальцами по старой деревянной двери, проверяя, не откроют ли изнутри. Потом ветер повернул с реки, потянул за собой тяжёлые низкие облака, и вода хлынула плотнее, ровной серой стеной. Крыша заговорила сразу вся: зашуршала, зашипела, тонко зазвенела в тех местах, где черепица давно перестала лежать ровно и где дождю удавалось пробиться сквозь щели, чтобы упасть на пол глухими, неторопливыми каплями. Арен Вейр проснулся от холода, который пришёл вместе с этим звуком, и ещё несколько мгновений лежал с закрытыми глазами, не желая признавать, что ночь кончилась.

В мастерской всегда пахло одинаково: железом, углём, машинным маслом, мокрым деревом и чем-то ещё, что невозможно было вывести даже после самой тщательной уборки, — тёплым, чуть кисловатым запахом старых вещей, десятилетиями пропитывавших стены. Отец говорил, что это запах настоящей работы. Арен считал, что это просто запах дома, в котором слишком много лет чинили чужие поломки, и что стены со временем впитывают всё, что происходит внутри них, точно так же, как впитывают дождь. Он лежал на узкой кровати в дальнем

углу за дощатой перегородкой, слушал крышу и пытался понять, который час. За маленьким окном было темно — слишком темно даже для дождливого утра, — и только тонкая полоска жёлтого света под дверью подсказывала, что кто-то в мастерской уже не спит.

Арен нахмурился. Марек обычно вставал раньше него, это было в порядке вещей, но в последние месяцы отец всё чаще закрывал мастерскую с заходом солнца и уходил к себе, не заглядывая в верстак, не прибирая инструменты, не проверяя заказы, как делал это всю жизнь. Он изменился после смерти Элины, но изменился не сразу, а медленно, по кусочку, так, что Арен долго не замечал этой перемены и только теперь, оглядываясь назад, мог различить её этапы. Сначала отец просто стал молчаливее. Потом перестал ездить на осенние ярмарки, куда раньше ездил каждый год, чтобы выменять редкие детали на старый инструмент. Потом начал запира́ть ящики, которые прежде не запира́л никогда. Арен принимал всё это за горе — обычное, тяжёлое, долгое горе человека, потерявшего жену, — и только иногда, в те редкие минуты, когда ловил на себе отцовский взгляд, странно оценивающий и виноватый одновременно, ему приходило в голову, что дело не только в этом.

Он натянул рубаху, штаны, сапоги, откинул шерстяное одеяло и вышел из своего закутка, поёживаясь от сквозняка, тянувшего вдоль пола. Мастерская встретила его привычным полумраком: тёмные силуэты станков, длинные полки с коробками, ровный ряд молотков и клещей над верстаком, холодная железная печь в углу, в которой не осталось даже углей. Единственным источником света была лампа на верстаке, и в её жёлтом круге, спиной к нему, стоял Марек.

— Ты чего не спишь? — спросил Арен, потирая глаза.

Ответа не последовало. Отец был уже одет — в старую шерстяную куртку поверх рубахи, с закатанными до локтей рукавами, как одевался, когда собирался работать всерьёз, — и Арен заметил, что серебро в его волосах, ещё недавно едва различимое на висках, теперь проби́лось гораздо дальше, будто эта ночь прибавила ему несколько лет. Марек не обернулся.

— Ты тоже, — сказал он наконец, негромко, и Арен ответил, что услышал, как он ругается. «Я не ругался». «Значит, ещё хуже». Марек посмотрел на него через плечо. В любой другой день на такую реплику он бы усмехнулся, уголком рта, той привычной сухой усмешкой, которую Арен знал с детства и которая означала: ладно, засчитано. Сегодня он не усмехнулся. Он просто смотрел, и Арен, вдруг ощутив неприятную пустоту под рёбрами, понял, что случилось что-то настоящее — не поломка, не неудачный заказ, а нечто такое, для чего у отца не нашлось привычных слов.

— Что? — спросил он.

— Подойди.

Арен подошёл. На рабочем столе, рассыпанные по потёртому дереву в строгом порядке, лежали детали старого механизма, и он узнал их сразу — не потому, что когда-либо видел этот предмет целиком, а потому, что видел подобные. Большинство древних деталей, попадавших в мастерскую, приходили к ним из развалин к востоку от города или из рук крестьянских семей, находивших их в земле после весенней распутицы, и Арен с детства научился различать в этих находках то, что осталось от общего замысла, как различают почерк одного человека в разных письмах. Тонкие пластины тёмного металла, похожие на чешую. Кольцо с вырезанными геометрическими линиями, слишком ровными, чтобы быть делом человеческих рук. Небольшой цилиндр, внутри которого не оказалось ни резьбы, ни отверстия, — просто гладкая пустота, как у запечатанного сосуда. И центральная деталь, лежавшая чуть в стороне от остальных, будто отец не решился поставить её рядом.

Арен взял её в руки — привычным, небрежным жестом человека, который слишком много раз держал в пальцах чужие механизмы, чтобы бояться их, — и тут же отдернул ладонь.

Металл оказался тёплым. Не горячим, не обжигающим, а именно тёплым, как бывает тёплым камень, целый день пролежавший на солнце, или ладонь спящего человека. Арен посмотрел на отца.

— Ты её нагрел?

— Нет.

— Тогда почему она тёплая?

Марек перевёл взгляд на его руку, потом обратно на лицо, и в этом взгляде было слишком много всего, чтобы разобрать за раз.

— Я хотел спросить тебя о том же.

Арен осторожно коснулся детали снова, едва задев кончиками пальцев. Ничего. Обычный холодный металл, чуть шероховатый, чуть маслянистый на ощупь, ничем не отличающийся от десятков других деталей, которые он держал в руках. Он обхватил её ладонью целиком, подождал, прислушиваясь к собственным ощущениям, и снова ничего — только холод, ровный и равнодушный.

— Может, она просто долго лежала у печи, — сказал он.

— Печь не топились всю ночь.

Арен обернулся. В углу действительно стояла холодная железная печь, тёмная, безжизненная, с приоткрытой дверцей, из которой не тянуло теплом. Он пожал плечами, хотя в этом жесте не было ни капли настоящей беспечности.

— Тогда не знаю.

Марек молчал. Арен поднял одну из пластин, повертел её под лампой, разглядывая едва заметные, будто выдавленные изнутри линии, и спросил, откуда всё это. Из северных руин, ответил отец. Кто принёс? Старик из Керна. За сколько? Неважно. Значит, дорого, сказал Арен, и Марек, вздохнув, произнёс его имя таким тоном, каким останавливают ребёнка у края обрыва, и Арен, подняв руки, согласился, что ладно, неважно. Он положил пластину обратно на стол и на мгновение задержал взгляд на разложенных деталях.

В обычный день он бы уже сидел над ними с закатанными рукавами, раскладывая, сравнивая, подбирая пазы, потому что собирать сломанные вещи было его любимым занятием с тех пор, как он себя помнил. Ему нравилось в этом что-то простое и надёжное, чего не хватало людям. Человек мог сказать, что не знает, кто сломал замок, мог поклясться, что не видел, кто увёл лошадь, мог забыть собственное обещание и через минуту искренне удивиться, когда ему о нём напомнят. Механизм был честнее. Если шестерня не вращалась — значит, что-то ей мешало. Если пружина была ослаблена — значит, она была ослаблена, и никакие оправдания этого не меняли. Если деталь не подходила к соседней, для этого существовала причина, а причину можно было найти, если хватало терпения. Арен любил причины. Он не выносил вещей, которые случались просто так, без объяснения, и именно поэтому древние механизмы притягивали его с самого детства: они были загадочными, но не бессмысленными, и где-то в глубине каждого из них непременно жил порядок, который нужно было только уметь разглядеть.

— Ты всю ночь над ним сидел? — спросил он.

— Почти.

— И?

Марек медленно выдохнул, и это был не вздох усталости, а что-то более тяжёлое, будто он несколько часов удерживал дыхание.

— Не знаю.

— Это плохой ответ.

— Другого нет.

Арен снова посмотрел на центральную деталь. Она была размером примерно с ладонь, тёмная, почти чёрная, но поверхность её не отражала лампу так, как отражает обычный металл: свет не скользил по ней, а будто впитывался, уходил вглубь, оставляя на поверхности лишь тончайшие линии — круги, прямые, пересечения, складывавшиеся то в узор, то в письмена. Некоторые знаки напоминали буквы, хотя ни один из них он не мог сопоставить ни с одним

известным ему алфавитом, и чем дольше он смотрел, тем сильнее ему казалось, что это не орнамент, а слова, произнесённые на языке, которого больше никто не помнил.

— Это не местная работа, — сказал он.

— Нет.

— Элаар?

Марек не ответил. Арен поднял глаза и вдруг заметил то, чего не замечал раньше: отец смотрел не на механизм и не на него, а куда-то в сторону, в сумрак у стены, как смотрят люди, когда пытаются вспомнить давний разговор.

— Отец. Я спросил, это Элаар?

— Возможно.

Арен напомнил, что отец всегда говорил не трогать элаарские вещи, и услышал поправку: не стоит трогать вещи, которых не понимаешь. «Я понимаю механизмы». «Не этот». Арен приоткрыл глаза и посмотрел на отца внимательнее. В голосе Марек звучало что-то, чего он раньше не слышал ни разу за двадцать пять лет: не раздражение, не страх, а осторожность, какая бывает у человека, несущего полную чашу по узкой лестнице. Он спросил, что отец знает, и услышал в ответ, что меньше, чем хотел бы. Тогда почему собрал? Потому что хотел узнать. И узнал? Марек отвернулся к окну, за которым по-прежнему шумела вода, и после долгого молчания сказал:

— Да.

Арен ждал, не торопя. Дождь бил в стекло, крыша поскрипывала под ветром, где-то в глубине дома капала вода. Через несколько секунд отец сказал так тихо, что слова почти потерялись в шуме:

— Оно ждёт.

В мастерской стало тихо. Не то чтобы дождь перестал — он лил по-прежнему, — но звук его словно отступил куда-то далеко, за границу слышимого, и осталась лишь плотная, вязкая тишина, в которой Арен слышал собственное дыхание. Он медленно усмехнулся, потому что не знал, как ещё реагировать на такие слова, и потому что усмешка была единственным оружием, которое у него всегда оставалось против непонятного.

— Это механизм, отец, — напомнил он. Марек знал. Тогда что значит «ждёт»? Он сам не знал. Арен заметил, что отец говорит странные вещи, и тот со всем согласился. Арен хотел ответить, но заметил на краю стола небольшой лист бумаги, придавленный тяжёлым гаечным ключом. На нём были зарисованы линии центральной детали — тонкие, неуверенные, явно сделанные по памяти, — а несколько символов зачёркнуты, и один, в самом центре, обведён так сильно, что перо продавило бумагу. Он взял лист и понял, что отец пытался читать этот механизм, как читают письмо, и что попытка кончилась ничем. Почему не сказал мне? — спросил он. Марек поднял глаза, и Арен впервые увидел в них то, что не смог бы назвать сразу: не гнев и не упрёк, а что-то похожее на вину человека, который слишком долго откладывал признание.

— Потому что не хотел, чтобы ты к этому прикасался.

Арен замер, и лист в его руке слегка дрогнул. Но он уже прикоснулся. «Поэтому теперь поздно». Слова прозвучали так ровно, так спокойно, что у Арена по спине пробежал холодок. Он положил лист обратно, осторожно, будто тот мог рассыпаться, и спросил, что отец имеет в виду, но Марек не ответил, только смотрел на него так, как смотрят на человека, который стоит на краю льда, ещё не зная, что лёд начал трескаться.

Тогда Арен снова опустил взгляд на механизм и впервые за эти несколько минут заметил странность, которую упустил, увлечённый разговором. На внутренней стороне центрального кольца не было следов соединения. Ни резьбы, ни пазов, ни крепёжных отверстий, ни малейших швов, какие оставляет любая работа, где две детали приходится сводить вместе. Кольцо выглядело так, будто его отлили цельным, вместе со всем остальным, как отливают единый

слиток, и лишь потом разделили — не резцом, не пилой, а чем-то иным, чему у него не было названия.

— Ты его не собирал, — сказал он тихо, и Марек подтвердил: нет. Сам он собрался? Тоже нет. Тогда что произошло? Марек подошёл ближе, и лампа отбросила на стену его длинную неровную тень. «Ничего». «Ничего?» — «До тебя — ничего». Он хотел спросить ещё, но в этот момент внутри механизма что-то щёлкнуло. Один раз, очень тихо, так тихо, что в другой день этот звук можно было бы принять за скрип старого дерева. Арен резко отдёрнул руку и оглянулся на отца.

— Ты это слышал?

Марек побледнел, и бледность эта была видна даже в тусклом свете лампы.

— Да.

Второй щелчок прозвучал глубже, тяжелее, словно источник его находился не в самом механизме, а под ним, внутри толстой столешницы, внутри самого дома, где-то в толще земли, на которой стояла мастерская. Арен смотрел на металл, не решаясь пошевелиться, и увидел, как тонкие линии на поверхности центральной детали начинают светиться. Сначала едва заметно, будто по чёрной глади провели остриём, оставившим после себя влажный серебристый след. Потом отчётливее: тончайшая нить прошла по окружности, замкнулась, разделилась на несколько ответвлений и потекла дальше, по кольцу, по пластинам, по гладкому цилиндру, соединяя разрозненные детали в единое целое, как кровь соединяет части тела.

Марек отступил на шаг.

— Не трогай.

— Я не трогаю, — сказал Арен. Голос его прозвучал ровнее, чем он ожидал, хотя сердце уже билось где-то в горле.

— Тогда почему он работает?

Арен не знал. Он стоял неподвижно, не отрывая взгляда от механизма, и свет усиливался, становясь ровнее и глубже. Это не был свет огня: в нём не было ни жара, ни дыма, ни мерцания, ни движения теней по стенам. Он жил внутри металла, как живёт мысль внутри головы, и по поверхности, соединяясь между собой, бежали линии, складываясь в сложную геометрическую фигуру, слишком правильную и слишком чужую, чтобы быть творением человека. Потом механизм издал звук — не щелчок и не скрежет, а короткий, глубокий гул, который Арен почувствовал не ушами, а грудной клеткой, будто кто-то невидимый положил ладонь ему на рёбра и слегка надавил.

Он сделал шаг назад. Центральная часть дрогнула и поднялась над столом на несколько пальцев, повисла в воздухе, удерживаемая тем же светом, что вырывался из её линий. Марек выругался — коротко, зло, так, как не ругался при сыне никогда.

— Назад!

Арен инстинктивно потянулся к нему, и в тот же миг центральная деталь вспыхнула. Свет ударил по мастерской, вытеснив полумрак, стёрв тени, залил стены, полки, потолок белой, беззвучной волной. Арен зажмурился, но свет проникал и сквозь закрытые веки, и он несколько долгих секунд ничего не видел, ничего не слышал, кроме собственного пульса, гулко отдававшегося в ушах.

Потом он услышал голос. Не человеческий — ни мужской, ни женский, ни детский, ни старческий. Он не звучал в воздухе мастерской, не отражался от стен, не дрожал в стекле окна. Он возникал непосредственно внутри сознания, как возникает мысль, которую ты не думал, но которая уже принадлежит тебе.

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ОТКЛИК ОБНАРУЖЕН.

Арен открыл глаза. Мастерская была залита белым светом, но не слепящим, а ровным, почти спокойным, и в этом свете он увидел отца, стоявшего напротив. Марек не двигался. Он смотрел не на механизм, а на Арена, и на его лице застыло выражение, которого сын не смог

бы назвать: там были и ужас, и обречённость, и странное, почти облегчённое узнавание, как у человека, увидевшего наконец то, чего ждал слишком долго, чтобы продолжать бояться.

ПРОВЕРКА.

Сердце Арена забилося чаще. Он хотел позвать отца, но горло сжалось, и получился только сдавленный выдох.

— Отец?

Марек не ответил.

СОВПАДЕНИЕ.

Арен почувствовал холод в ладони — не боль, не жжение, а именно холод, тонкий и острый, будто к коже приложили тонкое лезвие льда. Он опустил взгляд. На ладони сначала ничего не было. Потом у основания большого пальца проступила тонкая светящаяся линия, тоньше волоса, ярче лампы, и медленно поползла к центру ладони, будто кто-то невидимый вёл по его коже остриём, оставляя за собой не рану, а свет. Он сжал кулак. Линия не исчезла: она горела сквозь пальцы, сквозь кожу, и он чувствовал её каждым нервом — не как повреждение, а как присутствие, как нить, внезапно натянутую между ним и чем-то бесконечно далёким.

ПОДТВЕРЖДЕНО.

Механизм поднялся выше. За ним, там, где мгновение назад была пустая стена мастерской, открылась пустота — не тьма, а именно пустота, глубина, лишённая границ, — и в этой пустоте Арен увидел город.

Не руины. Не осыпавшиеся каменные остовы, которые он не раз видел в северных холмах, куда ходил с отцом за старым железом. Город. Живой, огромный, невозможный: высокие башни из светлого камня и металла, поднимавшиеся к небу так высоко, что вершины их терялись в дымке; стеклянные переходы, соединявшие здания на такой высоте, что от одного взгляда вниз кружилась голова; мосты, уходившие между башнями тонкими, почти воздушными дугами; улицы, по которым двигались люди в длинных светлых плащах, неспешно, будто им некуда было торопиться. Вдоль стен тянулись светящиеся линии, те самые, что бежали сейчас по металлу на столе, и вода текла по искусственным каналам, прозрачная и тихая, отражая небо. Вдали, над всем этим, поднималась центральная башня, а над её острой вершиной висел круг света, ровный и неподвижный, как второе солнце.

Арен стоял посреди этого города, хотя прекрасно понимал, что находится в мастерской, что чувствует под ногами дощатый пол, а не каменную мостовую, что дождь по-прежнему стучит по крыше где-то за пределами этого видения. Он попытался сделать шаг, но тело не слушалось, как не слушается во сне. Картина приблизилась сама, без его участия, и он увидел площадь, на которой стояли десятки людей, запрокинув головы и глядя вверх, на что-то огромное, скрытое в небе, чего он не мог разглядеть. В воздухе над площадью висела странная, напряжённая тишина, и Арен почувствовал, что эти люди чего-то ждут — не с радостью, не со страхом, а с тем сложным, тяжёлым чувством, с каким ждут решения, которое нельзя отменить.

Изображение изменилось, будто кто-то перелистнул страницу. Он оказался в комнате с белыми стенами, где стоял простой стол, а вокруг стола — несколько людей. Среди них был молодой мужчина с тёмными волосами, на лице которого лежала усталость человека, слишком долго не спавшего и слишком много думавшего. Перед ним стоял такой же механизм, тот же рисунок линий, тот же ровный свет. Мужчина поднял руку, и к нему подошла женщина — высокая, строгая, с внимательными серыми глазами.

— Ты уверен? — спросила она, и он ответил, что нет. Тогда почему продолжает? Потому что они уже начали. «Это не ответ». Мужчина посмотрел на неё долгим взглядом, и Арену показалось, что в этом взгляде было больше сомнения, чем в любых словах.

— Если мы остановимся сейчас, всё, что мы сделали до этого, окажется бессмысленным.

Арен не услышал продолжения. Сцена растаяла, как тает дыхание на холодном стекле, и на её месте появилась другая, от которой у него сжалось всё внутри. Снег. Мастерская — та

самая, только зимняя, притихшая, с замёрзшими окнами и слабым огнём в печи. На кровати у стены лежала женщина, укрытая шерстяным одеялом до самого подбородка. Он узнал её раньше, чем понял, что узнаёт.

Элина. Его мать.

Он резко вдохнул. Воздух не пошёл в лёгкие, застрял где-то в горле.

— Нет... — прошептал он.

Он шагнул вперёд, и на этот раз тело послушалось. Мать повернула голову и посмотрела прямо на него — такой, какой он помнил её в последние месяцы жизни: слишком бледной, слишком худой, с обострившимися чертами и запавшими висками, но с теми же глазами, живыми, тёплыми, упрямыми, которые не смогла погасить даже болезнь.

— Арен, — произнесла она, и он протянул руку, прошептав: «Мама...» Изображение дрогнуло, как отражение в потревоженной воде, но голос её не пропал. «Если они когда-нибудь придут за ним...» — сказала Элина, и слова повторились эхом, растянулись, наложились друг на друга, будто произносились не один раз, а много раз подряд, в разных местах и в разное время, — «...не позволяй им отвести его к Вечным». Арен не понимал, к кому. Мать смотрела куда-то мимо него, сквозь него, на кого-то, кого он не мог видеть, и просила его пообещать. Что именно? Что он не позволит им забрать себя. Он хотел ответить, но изображение исчезло. Остался только чёрный, глубокий, беззвучный свет, в котором не было ни верха, ни низа, ни времени. А потом снова прозвучал голос, ровный и безжалостный, и Арен почувствовал, как каждое его слово отпечатывается где-то в самой глубине сознания:

НАСЛЕДНИК ВОЗВРАЩЁН.

Арен перестал дышать. Слово отдалось в голове гулким эхом, разошлось волнами по всему телу, коснулось каждого нерва. Наследник. Он не знал, чей и чего, но откуда-то из глубины памяти, из самого дальнего её угла, поднялось детское воспоминание, яркое, отчётливое, будто его никогда и не забывали. Ему семь лет. Он сидит рядом с матерью у окна, за которым идёт такой же дождь, и она держит его ладонь в своей, разглядывая её при слабом свете. Он спрашивает: «Почему у меня ладонь светится?» И она пугается — так быстро, что он тогда не успел понять, чего именно, — отдёргивает руку, потом улыбается, слишком быстро, слишком натянуто, и говорит: «Тебе показалось».

Теперь он понял, что ему не показалось.

Он открыл глаза. Мастерская вернулась: верстак, лампа, тёмные полки, холодная печь. Механизм лежал на столе без движения, обычный кусок тёмного металла, не излучающий ни света, ни тепла. Дождь по-прежнему стучал по крыше, и этот привычный, будничный звук показался Арену почти оскорбительным после всего, что он только что увидел. Он тяжело дышал, ладони были влажными, колени дрожали.

Марек стоял у стены, привалившись к ней спиной, и лицо его было серым. Арен спросил, видел ли он, и не сразу дождался ответа. «Да». Что это было? Марек провёл ладонью по лицу, медленно, будто пытался стереть с него что-то невидимое, и сказал, что надеялся, что этого никогда не произойдёт. Чего именно? Что он его найдёт. Кто? Марек поднял на него глаза, и Арен впервые за двадцать пять лет увидел в этих глазах настоящий страх — не тот мимолётный, что мелькает в лицах людей при громком стуке или внезапной тени, а глубокий, давний, застарелый страх человека, всю жизнь ждавшего одного-единственного дня.

— Не знаю, — сказал он, и Арен возразил: врёт. Марек признал: да. Арен подошёл ближе, и внутри у него что-то натянулось до предела. Он знает, пусть скажет. Марек молчал, только дождь стучал, лампа потрескивала, в углу капала вода. Что значит «наследник»? Отец отвёл взгляд и сказал, что мать была права. В чём? В том, что он не должен был узнать об этом так. А как надо было? Марек закрыл глаза и произнёс одно слово: «Никогда». Арен почувствовал, как внутри поднимается раздражение, и на этот раз оно не было мимолётной вспышкой, а тяжёлой волной, накопившейся за годы. Он всю жизнь принимал отцовские недоговорённости

за характер. Марек не любил говорить о прошлом. Не любил рассказывать о матери. Не любил отвечать на вопросы о том, откуда в мастерской появлялись некоторые старые вещи, которые никто никогда не покупал и не заказывал. Арен думал, что это просто боль, что у некоторых людей она застревает внутри и не находит слов. Теперь он понял, что боль была лишь частью. Под ней лежало что-то другое, куда более тяжёлое, что отец носил все эти годы, как носят камень за пазухой.

— Кто такие Вечные? — спросил он.

Марек вздрогнул, будто его ударили, и спросил, откуда он слышал это слово. «Мама сказала». Отец молчал так долго, что Арен решил, что ответа не будет вовсе, но тот наконец произнёс: «Люди». Это всё? Нет. Тогда что ещё? Марек не ответил. Вместо этого он подошёл к двери мастерской, закрыл засов, проверил, надёжно ли он сидит, потом прошёл к окну и долго вглядывался в мокрую темноту улицы, будто пытался разглядеть в ней что-то, чего не мог назвать.

Арен спросил, что он делает, и услышал: проверяет, один ли они здесь. «Ты серьёзно?» — «Более чем». Он вернулся вглубь мастерской, подошёл к задней стене, отодвинул старый шкаф, который стоял там столько, сколько Арен себя помнил, и достал из-за него небольшую нишу, скрытую в кладке. Оттуда он вынул свёрток, завернутый в потёртую ткань, и, вернувшись к верстаку, медленно развернул его. Внутри лежал короткий нож. Необычный: лезвие было почти чёрным, но не блестело, а поглощало свет лампы так же, как поверхность центральной детали, а рукоять — простая, обмотанная тёмной кожей, стёртой в тех местах, где её десятилетиями сжимали чьи-то пальцы.

Арен знал этот нож. Он видел его несколько раз в детстве, случайно, когда отец думал, что мальчик спит, и каждый раз слышал одно и то же: сломан, не трогай, не твоё дело.

Арен напомнил, что отец называл этот нож сломанным, и Марек признался: врал. Он принадлежал матери? Нет. Марек положил нож на стол рядом с механизмом, и два тёмных предмета, лежавшие бок о бок, вдруг показались Арену странно похожими, словно вышли из одной мастерской.

— Он предназначен не для людей.

Арен посмотрел на него.

— Для кого?

Ответа не было. Вдалеке ударил колокол. Обычно первый утренний звон раздавался над городом, когда дождь уже ослабевал, чистый, звонкий, будто вымытый водой. Сегодня звук был глухим и растянутым, словно колокол звонил через плотный туман, и в этом звуке было что-то тревожное, как в первом далёком раскате грозы.

Марек внезапно сказал, что им нужно уходить. Куда, спросил Арен, всё ещё не в силах оторвать взгляд от тёмного ножа на столе. На восток. Почему именно туда? Потому что на юг их будут искать в первую очередь, — Марек говорил быстро, отрывисто, уже мысленно перебирая то, что нужно было взять и что оставить. — Там дороги шире, торговые тракты, посты. Любой, кто знает, что мы ушли, начнёт с юга.

— Кто «любой»? Кто нас будет искать?

— Те, кто знает, что означает этот знак.

Арен посмотрел на ладонь. Светящаяся линия уже гасла, бледнела, уходила вглубь кожи, как уходит в песок вода, но он всё ещё чувствовал её — тонкую, холодную нить, оставшуюся под кожей. Он поднял глаза на отца и спросил тихо, уже почти зная ответ:

Он спросил, знал ли отец, что у него есть эта отметина. Марек ответил не сразу: да. С детства? Да. И мама знала? Да. Почему они ему не сказали? Отец посмотрел ему в глаза, и в этом взгляде не было ни оправданий, ни попытки смягчить удар.

— Потому что мы хотели, чтобы ты прожил хотя бы двадцать пять лет обычной жизнью.

Злость, поднимавшаяся в Арене минуту назад, вдруг свернулась и превратилась во что-то другое — тяжёлое, холодное, похожее на понимание, которого он не просил.

— Мне двадцать пять.

— Поэтому они и пришли.

Слова повисли между ними, как повисает в воздухе дым после выстрела. Арен хотел спросить, кто именно «они», но не успел: с улицы донёсся звук, которого в этот час здесь не должно было быть. Конское копыто по мокрым камням. Один удар, потом второй, размеренный, неспешный, будто всадник ехал, никуда не торопясь, точно зная, куда направляется. Оба замерли и разом посмотрели на дверь.

Дождь продолжал идти, ровный и плотный. Арен медленно, стараясь не скрипеть половицами, подошёл к окну и осторожно отодвинул краешек занавески. Улица была пуста. Мокрая дорога блестела в сером предутреннем свете, тёмные дома стояли ровной цепочкой, вдоль канав неслись мутные потоки воды, унося с собой мусор и опавшие ветки.

— Никого, — прошептал он. Марек подошёл к нему и спросил, уверен ли он. «Да». — «Отойди». Арен отошёл. Марек погасил лампу, и мастерская погрузилась в полумрак, в котором очертания станков и полок стали неразличимыми, а собственное дыхание — оглушительным. Несколько минут они стояли неподвижно, вслушиваясь. Ничего. Только дождь, только капающая где-то вода, только стук их собственных сердец. Потом с улицы донёсся тихий скрип — не шаги, не копыта, а что-то вроде вздоха дерева под чьим-то весом. Арен снова выглянул в окно.

На противоположной стороне улицы, напротив мастерской, стоял человек. Высокий, неподвижный, в длинном сером плаще, промокшем до нитки, но не потерявшем от этого ни единой складки, как будто ткань была не тканью, а вырезанным из камня изваянием. Лицо его скрывал глубокий капюшон. Он не двигался, не смотрел по сторонам, не пытался укрыться от дождя, и что-то в этой неподвижности было настолько неестественным, что у Арена перехватило дыхание. Он моргнул — всего один раз, на долю секунды, — и когда открыл глаза, улица была пуста.

— Отец...

— Я видел.

Марек уже держал нож. Лезвие в его ладони казалось продолжением руки — чёрное, спокойное, готовое.

— Он видел нас?

— Думаю, да.

— Тогда почему ушёл?

Марек перевёл взгляд на стол, где лежал механизм — мёртвый, тёмный, бесполезный на вид, — и ответил тихо:

— Потому что ему больше не нужно было оставаться.

Арен почувствовал, как холод пробирается под рубаху, вдоль позвоночника, к затылку. Он хотел спросить, что это значит, но отец уже быстро заворачивал нож в ткань, и движения его стали резкими, отточенными — движениями человека, который очень давно готовился к такому дню и десятки раз прокручивал его в голове.

— Собирай вещи, — велел отец. Прямо сейчас? Сейчас. Может, хотя бы... Нет. Отец... Арен! Он повысил голос впервые за много лет. Не крикнул — просто произнёс имя так, что оно ударило, как хлыст. Арен замолчал. Марек подошёл к нему и положил тяжёлую ладонь на плечо, и в этом жесте было больше, чем в любых объяснениях.

— Послушай меня. Внимательно.

Арен кивнул.

— Если кто-нибудь спросит, кто ты, — ты ничего не знаешь. Ты механик. Сын механика. Ты ничего не видел и ничего не слышал.

— Но...

— Если увидишь людей в сером — уходи. Не разговаривай, не оглядывайся, не пытайся выяснить, чего они хотят.

— Кто они?

— Неважно.

— А если они найдут нас?

Марек посмотрел ему прямо в глаза, и Арен увидел в них решимость, от которой ему стало страшнее, чем от любого крика.

— Тогда беги, — сказал Марек. А он сам? Отец отвернулся и только после долгой паузы произнёс, что задержит их. Арен понял всё сразу, до конца, без слов, и сказал: «Нет». У него нет выбора. «У тебя тоже». Марек улыбнулся. Слабо, почти незаметно, уголками губ, и эта улыбка вдруг сделала его лицо таким усталым и таким родным, что у Арена защемило в груди.

— Теперь ты говоришь как мать.

Через час они вышли из мастерской. Город ещё спал: ставни на окнах были закрыты, в переулках не встретилось ни одной живой души, только бродячий пёс проводил их равнодушным взглядом из-под крыльца. Дождь стал мелким, почти весенним, и в его косых струях изредка мелькали редкие снежинки, тут же тающие на мокрой мостовой. Арен нёс дорожную сумку, Марек — старый кожаный мешок с инструментами, тот самый, с которым ходил на ярмарки, пока не перестал туда ездить. Они не взяли ничего лишнего: ни запасных деталей, ни семейных вещей, ни денег больше того, что могло понадобиться в первые дни. Отец сложил в мешок нож, лист с зарисованными знаками и все части механизма, завернув их в промасленную ткань, и Арен, наблюдая за этими торопливыми, точными движениями, поймал себя на мысли, что впервые видит отца таким, каким тот, вероятно, был много лет назад, до мастерской, до Элины, до всего, что он выбрал забыть.

Перед тем как закрыть дверь, Арен обернулся. Мастерская выглядела так же, как всегда: верстак с тусклым от возраста деревом, холодная печь, длинные полки с коробками, старые инструменты на своих местах, пятно масла возле стены, которое никогда не удавалось вывести до конца. Он прожил здесь почти всю жизнь, знал каждую доску, каждую царапину на столешнице, каждый скрип половицы. Теперь ему казалось, что он смотрит на чужое место, на декорацию, оставленную кем-то другим, и от этого чувства к горлу подкатил комок, который он не позволил себе проглотить.

Марек запер дверь, спрятал ключ в карман и, не оглядываясь, пошёл вперёд. Они двинулись на восток по пустой улице, мимо тёмных домов, мимо закрытых лавок, мимо колодца, у которого Арен когда-то в детстве разбил колено. Он несколько раз оглянулся, но за спиной никого не было, только пелена дождя да далёкие силуэты крыш. Однако когда они свернули за последний дом и Арен бросил взгляд назад в последний раз, он увидел на крыше здания напротив, на самом краю, неподвижную фигуру. Серый плащ. Тот же человек. Он стоял так же, как стоял на улице, — прямо, спокойно, без малейшего движения, — и смотрел им вслед.

Арен остановился. Марек, не оборачиваясь, спросил, что случилось, и услышал: там кто-то стоит. «Я знаю». Он же говорил, что... «Не смотри». Арен всё равно посмотрел. Фигура исчезла — не ушла, не скрылась за трубой, а просто перестала быть там, будто дождь на мгновение стёр её из мира. Он сглотнул и пошёл дальше, стараясь не ускорять шаг, чтобы не выдать того, как сильно у него дрожат колени.

К полудню город остался далеко позади, растворился в серой дымке дождя и расстояния, и осталась только дорога — раскисшая, пустая, тянувшаяся вдоль реки на восток. Они почти не разговаривали. Марек шёл впереди быстрым, ровным шагом, не тратя сил на лишние слова, и Арену приходилось прибавлять ходу, чтобы не отстать. К вечеру начался настоящий дождь, тяжёлый и холодный, и когда небо совсем потемнело, а вода потекла за воротник, они наконец добрались до старой придорожной часовни — небольшой, покосившейся, с обвалившейся

частью крыши и стенами, поросшими мхом. Внутри пахло сыростью и камнем. Марек нашёл в углу немного сухих щепок, развёл небольшой огонь, и жёлтые отблески заплясали на потрескавшейся штукатурке, освещая остатки древней росписи: чьи-то лица, руки, звёзды, стёртые временем до едва различимых теней.

Арен сел у стены и стал рассматривать ладонь. Линия исчезла, кожа была чистой, гладкой, ничем не отличающейся от кожи на другой руке. Но он всё ещё чувствовал её — не глазами, а чем-то иным, внутренним, тонкой нитью, оставшейся под кожей и слабо, ровно пульсирующей в такт сердцу.

— Отец, — позвал Арэн, и, дождавшись отклика, спросил, видел ли тот когда-нибудь Элаар. Марек долго молчал, глядя в огонь, и Арэн уже решил, что ответа не будет, но услышал: «Нет». Но знает о нём больше, чем говорил? Да. Знает, где он находится? Нет. «Аэран?» Отец резко поднял голову, и отблеск огня на мгновение вспыхнул в его глазах. Откуда ему знакомо это название? Он его видел. Где? Во время видения. Название пришло само — я не читал, не слышал. Просто знал, что это город, который я видел.

Марек ничего не сказал, и Арэн продолжил, медленно, вспоминая:

— Там были башни. Люди в светлых плащах. Площадь. А потом комната, и в ней мужчина с тёмными волосами и усталым лицом. Он стоял перед таким же механизмом. С ним была женщина, и она спросила, уверен ли он.

— Что ещё?

— Больше ничего. Только лицо. Я запомнил его.

Он замолчал, собираясь с мыслями, и вдруг понял, что знает имя. Оно не было произнесено в видении, но всплыло из глубины, как всплывает забытое слово, когда перестаёшь его искать.

— Я видел Архена, — сказал Арэн. Марек побледнел так резко, что тот невольно подался вперёд. Откуда ему знакомо это имя? Он был там, Арэн уверен. Отец опустил взгляд на огонь, и на его лице в неровном свете стало заметно, как глубоко залегли морщины вокруг рта.

— Тогда всё хуже, чем я думал, — сказал Марек. Кто такой Архен? Он ответил тихо, будто боялся, что стены часовни услышат: «Первый». Первый — кто? «Бессмертный». Арэн смотрел на него. Снаружи бушевал дождь, ветер швырял воду в пролом крыши, и капли шипели, падая на угли у самого костра.

Он спросил, существуют ли бессмертные на самом деле, и Марек кивнул. И они знают о нём? «Теперь — да». Арэн хотел спросить ещё, но отец внезапно поднял голову и замер, вслушиваясь. В темноте за проломом в стене что-то мелькнуло — не тень, а отголосок тени, намёк на движение. Марек схватил нож, одним рывком поднялся на ноги.

— Сиди здесь.

— Кто там?

— Не знаю.

Он вышел из часовни, бесшумно, как выходит охотник в лес, и Арэн остался один, слушая, как потрескивает огонь и барабанит по камням дождь. Прошла минута. Потом вторая. Время растянулось, стало липким и тягучим, и он ловил себя на том, что считает собственные удары сердца. Наконец снаружи послышались шаги, размеренные, знакомые, и в проёме показался Марек, мокрый до нитки, с чёрным ножом в руке.

— Никого.

— Ты уверен?

— Нет.

Они снова сели. Марек убрал нож, подбросил в огонь щепок, и пламя на мгновение вспыхнуло ярче, осветив его лицо. Арэн долго смотрел на огонь, не решаясь заговорить, потом всё же спросил:

Он напомнил, что отец говорил о бессмертных, знающих о нём, и спросил, почему тогда они не пришли раньше. Марек не ответил сразу, и Арэн позвал его снова, прежде чем услышал: потому что до сегодняшнего дня он был для них обычным человеком. А теперь? Марек посмотрел на его ладонь, туда, где несколько часов назад горела тонкая серебристая линия.

— Теперь древняя система назвала тебя наследником, — сказал он. Арэн почувствовал, как внутри что-то сжалось, и спросил, чьим именно. Отец медленно покачал головой: этого он не знал. За стенами часовни ветер гнул мокрые деревья, и голые ветви скребли по камню, как чьи-то пальцы. Где-то далеко, в лесу за дорогой, завыл волк, протяжно, тоскливо, и вой этот, отразившись от холмов, затих где-то в вышине. Арэн закрыл глаза, потому что смотреть на огонь больше не было сил, и в темноте под веками услышал голос. Не тот, что звучал в мастерской, ровный и безличный. Другой. Старый. Едва различимый, будто пробивающийся сквозь толщу воды.

Я ПОМНЮ ТЕБЯ.

Он резко открыл глаза. Огонь перед ним горел спокойно, ровно, ничего не изменилось. Марек спал, прислонившись к стене, скрестив руки на груди, и лицо его во сне выглядело моложе, беззащитнее, чем днём. Арэн посмотрел на ладонь. Тонкая светлая линия появилась снова — на этот раз она была не серебристой, а почти белой, чистой, как первый снег, — и через несколько мгновений погасла, растворилась, оставив после себя лишь тёплое, странное ощущение узнавания.

Он поднялся, осторожно, чтобы не разбудить отца, и подошёл к пролому в стене. Снаружи никого не было. Только ночь, туман, мокрая дорога, ведущая на восток, и где-то далеко, у самого горизонта, над чёрной кромкой леса, едва заметное сияние, неровное, бледное, как ответ далёкого пожара.

Арэн не знал, что находится там. Не знал, что спустя несколько дней увидит город, которого не должно было существовать. Не знал, что женщина, которая ещё не знала его имени, уже получила приказ найти его. Не знал, что человек в сером плаще следит за ним не первый день, а гораздо дольше, чем он мог себе представить. И уж тем более не знал, что слово «наследник», произнесённое древним механизмом, означало не право на власть, не титул и не дар, а начало охоты.

А где-то далеко, в месте, о существовании которого большинство людей давно забыло, проснулся другой механизм. На его тёмной поверхности зажглась одна-единственная строка.

ЛИНИЯ ВЕЙРОВ ОБНАРУЖЕНА.

Пауза. Затем появилась вторая.

НАСЛЕДНИК ВОЗВРАЩЁН.

И третья.

ПРОТОКОЛ ЗОНА АКТИВИРОВАН.

В тёмном зале кто-то открыл глаза.

— Наконец-то, — произнёс старческий голос.

И впервые за несколько столетий в древнем городе зажёгся свет.

Глава 2. След

— ◆ —

К утру дождь не прекратился — он просто стал тише, превратился в мелкую холодную морось, висевшую над дорогой неподвижным серым облаком, цеплявшуюся за голые ветви, оседавшую на плащах и волосах и превращавшую землю под ногами в вязкую бурю массу. Весна в этих краях редко начиналась красиво. Снег сходил неохотно, оставляя в тени заборов грязные, ноздреватые сугробы, реки выходили из берегов и топили нижние улицы, дороги превращались в колеи, полные воды, а холод держался до тех пор, пока люди окончательно не переставали ему верить. Арэн шёл молча, сунув руки в рукава и глядя себе под ноги, потому

что смотреть по сторонам было нечего: туман съедал лес и поля, оставляя только ленту дороги да тёмный силуэт отца впереди.

За плечами у него висела дорожная сумка, в которой лежали два куска хлеба, сыр, немного сушёного мяса, фляга с водой, запасная рубашка и небольшой набор инструментов. Инструменты, вспомнил он, отец настоял взять чуть ли не силой. «Если придётся жить в дороге, — сказал Марек ещё в мастерской, застёгивая ремни, — умение починить вещь иногда важнее умения её украсть». Арен тогда усмехнулся, потому что шутка показалась ему неуместной и потому что усмешка была всё, что у него оставалось. Теперь ему было не до шуток.

Они вышли из часовни задолго до рассвета, не позавтракав, не дав огню окончательно погаснуть, и Марек не разрешил ему даже присесть на минуту, чтобы натянуть промокшие сапоги. Старая гнедая кобыла, которую отец привёл накануне вечером от знакомого пастуха на окраине города — Арен так и не спросил, чем тот с ним расплатился, — переступала с ноги на ногу у пролома в стене и косила на них тёмным влажным глазом. Она была уже немолода, с седой шерстью вокруг морды и мягкой, покорной поступью, но спокойна и привычна к плохим дорогам, и Арен, глядя на неё, подумал, что эта лошадь, вероятно, пережила больше непогод, чем они оба вместе взятые. Второго коня они не брали, и это ему не нравилось.

— Если кто-то нас догонит, идти придётся пешком, — сказал он, когда часовня осталась позади.

— Поэтому и взяли одну лошадь, — отозвался Марек, не оборачиваясь.

— Я думал, чтобы ехать.

— Чтобы оставить след, который будут искать.

Арен нахмурился и посмотрел на отца, пытаясь понять, шутит ли он. Марек не шутил. Он держал повод и шёл ровно, размеренно, чуть наклонившись вперёд, как ходил всю жизнь, и по его лицу нельзя было определить, о чём он думает. Он объяснил спокойно, что если их преследуют, то он хочет знать, кто идёт по этому следу и как быстро, а для этого преследователям нужно дать что-то, за что можно ухватиться. Арен задумался. В этом был смысл — холодный, неприятный, но безусловный. Марек всю жизнь учил его смотреть не только туда, куда идёшь, но и туда, откуда пришёл, и Арен всегда считал это привычкой человека, слишком долго жившего среди чужих вещей, которые нужно уметь читать. Сегодня он впервые почувствовал себя учеником, слишком поздно понявшим, что экзамен уже начался, а он даже не заметил, когда выдали задание.

Он оглянулся. За ними тянулась дорога, раскисшая и пустая, уходившая в туман, за которым скрывался дальний лес, и у него вдруг возникло ощущение, что там, в белесой пустоте, кто-то стоит и смотрит им в спину, хотя ничто не подтверждало этого, кроме холода между лопатками. Он спросил, думает ли отец, что за ними идут, и Марек сказал, что уверен. Сколько их, Арен не знал и не решился спрашивать дважды. Он спросил только, будут ли это бессмертные, и отец не ответил, а Арен заметил, что его правая рука лежит возле пояса, на рукояти того самого чёрного ножа. Вчера, в мастерской, при свете лампы, нож показался ему старой вещью, просто странной, слишком тёмной для своего возраста. Теперь, когда он висел на поясе отца, оружие не выглядело ни старым, ни странным. Оно выглядело опасным — так, как бывает опасным хорошо ухоженный инструмент в руках человека, который точно знает, зачем он ему нужен.

Арен спросил, действительно ли этот нож может убить бессмертного, и Марек, помедлив, поинтересовался, кто ему такое сказал. «Ты». — «Я ничего не говорил». — «Ты не сказал обратного». Марек тяжело вздохнул, и пар от его дыхания смешался с моросью: иногда сын слишком много замечает. «Ты сам меня этому научил». — «Знаю». Некоторое время они шли молча. Дорога петляла вдоль полей, где под серой водой угадывались чёрные полосы старой пахоты, и вороны, сидевшие на изгороди, провожали их равнодушными взглядами. Арен всё пытался собрать в голове то, что произошло за последние сутки, но воспоминания не желали

складываться в ряд: светящаяся линия на ладони, город с башнями, лицо матери, серая фигура на крыше — всё это существовало отдельно, как обломки, которые невозможно подогнать друг к другу. Наконец он спросил то, что мучило его с самого утра:

Наконец он спросил то, что мучило его с самого утра: что такое бессмертие. «Не то, что ты думаешь». «Я пока ничего не думаю». — «Думаешь». — «Хорошо, думаю». Марек посмотрел на него, и в этом взгляде мелькнуло что-то похожее на усталую нежность. Он сказал, что бессмертные не бессмертны, и Арен заметил, что это звучит обнадеживающе. Их можно убить, продолжал отец, но называют их так потому, что они не стареют — если превращение прошло полностью, то совсем, не так, как стареет человек, к которому смерть приходит с годами, а так, как не стареет камень, пока его не расколют. Некоторые живут очень долго. Сколько? Сотни лет. Арен замолчал, и в этом молчании поместились сразу все цифры, которых он не мог себе вообразить.

Арен спросил, видел ли отец такого своими глазами, и услышал: да. Когда? Давно. Насколько давно? Марек ничего не ответил. Арен уже собирался продолжить расспросы, упрямо, как делал всегда, когда отец уходил в тень, но тот вдруг поднял руку, и они остановились. Впереди дорога разделялась на три: одна уходила налево, к реке, шумевшей где-то за кустарником, вторая поднималась вправо на невысокий каменистый склон, а третья продолжалась прямо, на восток, теряясь в тумане. Марек передал повод Арену, подошёл к краю дороги и присел на корточки у грязи, внимательно разглядывая что-то на земле. Арен последовал за ним и увидел отпечатки — глубокие, чёткие, оставленные подковами совсем недавно, потому что вода ещё не успела собраться в углублениях.

— Наши?

— Нет.

— Откуда знаешь?

— У нашей кобылы задняя левая подкова треснула по внутреннему краю. Видишь? — Марек провёл пальцем над следом. — А здесь трещины нет, и подкова другой формы, шире.

Арен присмотрелся и понял, что отец прав, хотя сам ни за что бы не заметил разницы. Марек коснулся земли, растёр её между пальцами и определил: не больше часа. Арен поднял голову и сказал, что значит, их догнали, но отец качнул головой. Если бы догнали, не оставляли бы следов, сказал он. Эти люди не прячутся, они просто знают, куда идти. Он посмотрел на восток, и Арену показалось, что в его лице на мгновение проступило что-то очень старое, что-то, что он тщательно прятал двадцать пять лет.

— Пойдём вдоль реки, — сказал он наконец. Арен напомним, что отец говорил об южных дорогах, но услышал: река идёт на север. А восток? Восток им нужен, потому что там есть место, где можно спрятаться. Где именно? Пока неизвестно. Арен невольно усмехнулся: прекрасный план. «Другого нет». Они свернули к реке, и дорога быстро растаяла позади, поглощённая мокрым кустарником, который хлестал по плечам холодными ветками и осыпал водой.

* * *

Лиара Сорен не любила дождь. Не потому, что дождь мешал идти или мочил одежду, — к этому она привыкла давно, ещё девочкой, на тренировочном дворе монастыря, где никто не отменял занятий из-за погоды. Дождь мешал следам: смывал запахи с земли, размягчал отпечатки, наполнял водой неглубокие ямы и превращал каждую тропу в десятки ложных, так что охотнику приходилось читать не след, а его призрак. Но больше всего она не любила дождь за то, что он заставлял людей расслабляться. Они думали, что непогода скрывает их от чужих глаз, и вели себя небрежнее, чем в ясный день. Это почти всегда было ошибкой.

Она стояла на краю лесной поляны, широко расставив ноги, и смотрела на человека, лежавшего в грязи у корней старого дуба. Ему можно было дать лет сорок — крепкое, жилистое тело, светлые волосы, слипшиеся от воды, лицо с резкими чертами, на котором не осталось ни одной глубокой морщины. На самом деле ему было больше двухсот. Лиара знала это,

как знала и то, что возраст бессмертного почти невозможно определить по внешности: время не оставляло на них следов, только глаза выдавали тяжесть прожитых лет, тусклые, слишком спокойные, будто уже видевшие всё, что могло с ними случиться. Перед ней лежал один из тех, кого Орден Пепла называл Вечными. Человек — когда-то. Теперь нет.

Он пытался подняться, упираясь ладонью в скользкую землю, и Лиара наступила сапогом ему на предплечье, прижимая руку к грязи.

— Не двигайся.

Он посмотрел на неё снизу вверх, и в его взгляде не было ни страха, ни злобы, только усталость, глубокая и почти вежливая.

— Ты моложе, чем я ожидал, — сказал он, и она ответила, что он, наоборот, старше, чем выглядит. Это не одно и то же. «Для тебя — нет». Она держала короткий меч обеими руками, острием вниз, у самой его груди. Вдоль основания клинка проходила чёрная полоса металла, тускло поблёскивавшая под дождём, и Лиара, не глядя на неё, чувствовала её вес так, как чувствуют тяжёлое обещание. Чёрное железо. Редкий материал, который добывали в шахтах Эйрена, где иногда находили странный металл, почти не подверженный ржавчине и по непонятной причине мешавший заживлению ран. Обычное оружие против бессмертного было почти бесполезно: он мог встать после удара, который убил бы человека, и продолжить бой, будто ничего не произошло. Чёрное железо было другим. Лиара видела, как оно работает, и именно поэтому не питала иллюзий ни о своей работе, ни о том, зачем она нужна. Бессмертных можно было убить. Нужно было только знать как.

— Где остальные? — спросила она. Мужчина усмехнулся, и вода стекала по его лицу, не смывая усмешки: всегда одно и то же — сначала убить, потом спрашивать. Она напонила, что ещё не убила его. «Но собираешься». «Если не ответишь». «Тогда ответ будет тот же». Лиара выдержала паузу, давая дождю шуметь между ними, и спросила, знает ли он, кого она ищет. Он не ответил, и она назвала имя: Арен Вейр. На этот раз выражение его лица изменилось — совсем чуть-чуть, на долю мгновения, едва заметно дрогнули веки, — но Лиара заметила, потому что этому её тоже учили. Она сказала, что он слышал это имя. Он сказал, что нет. Она сказала, что он лжёт, и он ответил: «Ты хорошо обучена». Это не была похвала, и оба знали это.

Он попытался выдернуть руку, и Лиара сильнее прижала её к земле, чувствуя, как под каблуком хрустнул сустав.

— Не советую, — сказала она, и на вопрос «почему» ответила: ей надоело ждать. Мужчина посмотрел ей прямо в глаза — дождь стекал по его ресницам, но он не моргал — и сказал, что она не понимает, что делает. «Мне это уже говорили». «И всё равно продолжаете?» — «Да». — «Тогда вы ничем не лучше нас». Лиара на мгновение замерла. Эта фраза была ей знакома: она слышала её и раньше, от других бессмертных, от старых людей, прожившими несколько человеческих жизней и считавшими себя вправе судить тех, кто родился много позже. Она никогда не отвечала на неё, потому что не для того пришла сюда, чтобы спорить о морали. Она пришла закончить дело. Но сегодня, почему-то, слова эти задержались в голове чуть дольше обычного и оставили после себя неприятный осадок, как заноза, которую не сразу удаётся нащупать.

Она спросила ещё раз, знает ли он Вейра, и он снова ответил, что нет. Тогда почему он испугался его имени? Он промолчал. Лиара убрала ногу, и он попытался подняться, опираясь на здоровую руку, но она ударила его рукоятью меча в висок — коротко, точно, без замаха, — и он рухнул обратно в грязь. Через несколько секунд открыл глаза, медленно, как открывает их человек после короткого сна.

— Быстро, — сказал он.

— Что?

— Ты всё ещё веришь, что время на твоей стороне.

Лиара не ответила. Она подняла меч обеими руками, и капли дождя скатились по чёрной полосе на лезвии.

— Подожди, — сказал он, и когда она спросила, что ещё, добавил: если она найдёт его... Она остановилась, ожидая продолжения. Мужчина улыбнулся, почти ласково, и в этой улыбке не было ни просьбы, ни угрозы, только та самая спокойная, невыносимая уверенность человека, уже видевшего конец истории.

— Передай ему, что Дом уже знает.

— Какой Дом?

Он не ответил. Лиара ударила. Чёрное железо вошло под рёбра — глубоко, точно, до самой рукояти — и она почувствовала, как тело под ней дёрнулось и обмякло. На этот раз бессмертный не поднялся. Она подождала десять секунд, потом двадцать, слушая дождь, потом опустила на колено и проверила пульс на шее. Ничего. Она вытерла лезвие о плащ мёртвого, медленно, тщательно, как делала это всегда, и поднялась. Она не любила убийства. Но за последние годы научилась не путать жалость с сомнением: в её работе сомнение убивало первым.

У края поляны, держа под уздцы двух лошадей, стоял молодой человек в тёмном плаще Ордена. Он был бледен и старательно смотрел куда-то мимо тела.

Он спросил, всё ли кончено, и, услышав «да», переспросил: точно? Лиара посмотрела на него и поинтересовалась, хочет ли он проверить. «Нет, — быстро сказал он и отвёл глаза. — Кастен ждёт». Где? В монастыре. «Тогда поехали». Она забрала с седла свой плащ и накинула его на плечи. Прежде чем уйти, задержалась и ещё раз посмотрела на тело, лежавшее среди корней, под дождём, который уже начал смывать кровь с земли. «Дом уже знает». Лиара запомнила эти слова. Не потому, что они её напугали, — страх давно перестал быть для неё чем-то незнакомым, — а потому, что были сказаны слишком уверенно, без надежды и без мольбы, как говорят то, что не подлежит сомнению.

* * *

К вечеру Арен и Марек добрались до реки. Она оказалась широкой и мутной после весенних дождей: лёд давно ушёл, но вода неслась быстро, тяжело, с глухим ворчанием, неся на себе обломки веток, вырванные с корнями кусты и грязную пену, которая клочьями цеплялась за прибрежные камни. Переправляться здесь было нельзя — один только взгляд на течение говорил, что первого же шага хватит, чтобы человека унесло вниз, — и Марек долго стоял на берегу, шурясь на воду и прикидывая что-то в уме. Нужно идти вверх по течению, сказал он наконец. Там есть старая переправа. Работает ли она? Иногда. Арен заметил, что «иногда» — очень обнадеживающее слово, и Марек посмотрел на него с такой усталой укоризной, что пришлось замолчать. Впрочем, ненадолго. Ты сегодня много говоришь, сказал отец. Я нервничаю. Я заметил. А ты нет? Я слишком стар для нервов. Арен усмехнулся и сказал, что это звучит как ложь, и Марек согласился: конечно.

Они двинулись вдоль берега, прижимаясь к кромке леса, где земля была тверже, а деревья давали хоть какое-то укрытие от мороси. Через час лес стал гуще и темнее, ветви сплелись над тропой, и свет, и без того скудный, почти перестал доходить до земли. Солнце уже клонилось к горизонту, хотя из-за облаков невозможно было определить, где именно оно находится: небо просто становилось всё более тёмным и низким, будто опускалось на землю. Арен устал. Ноги промокли насквозь, каждый шаг отдавался в лодыжках тупой болью, сумка казалась вдвое тяжелее, чем утром, а лямка натёрла плечо так, что рубаха под ней превратилась в мокрую холодную тряпку. Несколько раз он спотыкался о корни, невидимые под слоем опавшей листвы, и каждый раз молча стискивал зубы, потому что Марек шёл впереди так, будто мог идти ещё сутки, не сбавляя шага.

Наконец Арен не выдержал и попросил остановиться. «Нет». Он не просит ночевать. «Ещё рано». Он устал. Марек остановился и повернулся к нему. В сером свете его лицо каза-

лось выточенным из старого дерева: резкие тени под глазами, глубокие складки у рта, тонкие губы, сжатые в линию.

— Усталость пройдёт, — сказал он. А если нет? Тогда будут идти уставшими. Арен зака- тил глаза: очень полезный совет. Отец хотел что-то ответить, но вдруг замер и посмотрел назад, туда, откуда они пришли, и лицо его мгновенно изменилось: с него исчезла всякая усталость, осталась только сосредоточенная, холодная внимательность, какую Арен видел у него, когда тот прислушивался к незнакомому скрипу в механизме. Тише, сказал он. Они замерли. Сна- чала Арен не слышал ничего, кроме собственного дыхания и шума воды. Потом, очень изда- лека, сквозь шелест мороси в ветвях, донёлся звук, который невозможно было спутать ни с чем: копыта. Ритмичные, тяжёлые, приближающиеся.

Марек быстро скинул сумку с плеча и велел оставить её здесь. «Но...» — «Делай». Арен бросил сумку под густой куст, и Марек увёл лошадь в сторону, в глубину леса, привязав её к дереву так, чтобы её не было видно с дороги. Они нашли небольшую впадину между корнями старых деревьев, засыпанную прошлогодней листвой, и легли в неё, прижавшись животом к мокрой холодной земле. Вода тут же просочилась сквозь одежду. Арен чувствовал, как бьётся сердце, слышал его в ушах, в горле, в кончиках пальцев, и старался дышать как можно тише.

Через несколько минут на противоположном берегу показались всадники. Сначала трое, потом ещё двое, ехавшие цепочкой, не спеша, но с той собранной, деловитой сосредото- ченно- стью, которая выдаёт людей, привыкших к долгим переходам. Арен вгляделся сквозь просвет в листве и различил на их плащах тёмно-серые знаки — стилизованный круг с расходящимися линиями, похожий не то на солнце, не то на пепельный отпечаток. Он повернул голову к отцу, и тот едва заметно кивнул: Орден. Откуда они знают? Марек покачал головой: не знаю. Куда они едут? Не туда. Арен посмотрел внимательнее и увидел, что всадники, не задерживаясь у пере- правы, поворачивают на дорогу, уходившую к северу, прочь от того места, где прятались они.

Он спросил, не потеряли ли их, и Марек ответил: возможно. Значит, повезло? Отец снова покачал головой: нет, ведь это может значить, что по их следу идёт кто-то ещё. Арен посмотрел на него. В сгущающихся сумерках лицо отца казалось бесстрастным, но пальцы, лежавшие на рукояти ножа, побелели. Бессмертные? — спросил он одними губами. Возможно. А если они встретятся с Орденом? Тогда у нас будет шанс. Какой? Пока они заняты друг другом, мы уйдём. Арен хотел спросить, почему отец говорит об этом так спокойно, будто речь шла о выборе места для ночлега, но всадники уже исчезли за поворотом, и лес снова наполнился шумом дождя. Они выждали ещё полчаса, не двигаясь, не разговаривая, пока Арен не потерял ощущение собственных рук и ног, и только потом Марек тронул его за плечо и жестом показал: пора.

* * *

Монастырь Ордена Пепла стоял в старой долине между двумя лесистыми холмами, и когда-то, в давние времена, здесь возвышался храм, посвящённый забытому теперь божеству. От храма остались каменные стены, поросшие мхом, полуразрушенная башня с обвалившейся верхушкой и широкий внутренний двор, где даже весной трава росла плохо, будто сама земля не желала принимать семена. Лиара въехала через ворота поздно вечером, когда последние отсветы дня уже погасли за холмами, и часовой на стене окликнул её по имени, не спрашивая пароля.

Кастен ждал её у конюшен. Он был высоким мужчиной лет сорока пяти, сухим, жили- стым, с чёрными волосами, в которых пробивались седые пряди, и худым лицом, на левой щеке которого белел старый шрам — тонкая ровная линия от уха до угла рта, оставленная, как знала Лиара, вовсе не человеческим оружием. Тяжёлого доспеха он не носил: Кастен всегда предпочитал одежду, в которой можно двигаться быстро, и сегодня на нём была простая тём- ная куртка и плащ с пепельным кругом на плече.

— Ты опоздала, — сказал он, не здороваясь, и она коротко ответила: дорога размокла. Это объяснение или оправдание? Информация. Кастен усмехнулся, коротко, одним уголком рта, и взял поводья её лошади, спросив, нашла ли она его. Нет. Тогда что она нашла? Бессмертного. Имя? Не назвался. Что он сказал? Лиара подбирала слова так, чтобы не исказить ни одного: что Дом уже знает. Кастен перестал улыбаться. Улыбка не исчезла сразу, а как бы застыла на лице, потом медленно стёрлась, оставив после себя гладкую, непроницаемую маску.

Именно так? Именно. Она уверена? Да. Он долго молчал, глядя на лошадь, и Лиара, привыкшая читать людей, не могла определить, о чём он думает: то ли о самих словах, то ли о том, что они значат, то ли о том, кто мог их произнести. Потом Кастен спросил, слышала ли она это раньше. Нет. Я тоже, сказал он. Что это значит? Пока не знаю. Он повёл лошадь в стойло, и Лиара пошла рядом, чувствуя, как усталость наваливается на плечи тяжёлым мокрым плащом.

Он спросил про Вейра. Пока нет. Тогда почему она здесь? Потому что он сам приказал возвращаться. «Верно», — Кастен остановился у ворот стойла и заметил, что Вейр должен быть молодым. Двадцать пять лет. Семья? Отец — Марек Вейр. Кастен медленно кивнул и спросил про мать. «Элина». Его рука, лежавшая на поводьях, сжалась. Всего на мгновение, едва заметно, костяшки побелели и тут же расслабились, но Лиара увидела и не пропустила.

— Ты знаешь это имя?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро. Лиара промолчала. Кастен повёл лошадь в стойло, и его широкая спина показалась ей вдруг замкнутой, как дверь, закрытая изнутри. Отдыхай, сказал он. Когда выезжаем? Утром. Куда? Он повернулся и посмотрел на неё долгим тяжёлым взглядом. На восток. Почему? Потому что Вейр тоже идёт туда. Лиара замерла: откуда известно? Нашли след. Кто? Один из наблюдателей. Насколько свежий? Полдня. Она задумалась, прикидывая расстояния: если они идут пешком, то она догонит их завтра. Если они идут пешком, повторил Кастен. А если нет? Тогда быстрее.

Он развернулся, чтобы уйти, но остановился в дверях и, не оборачиваясь, позвал её по имени. Она откликнулась, и он сказал: если она найдёт Вейра первой — пусть не убивает. Она нахмурилась: приказ изменился? Да. Когда? Сегодня. Кто его отдал? Кастен посмотрел куда-то в сторону монастыря, на тёмную громаду башни на фоне неба, и ответил: не он. Совет? Выше. Лиара почувствовала неприятный холод, пробежавший вдоль позвоночника, — тот особый холод, который она научилась узнавать давно, ещё в первые годы службы, и который всегда предшествовал чему-то плохому.

— Насколько выше?

Кастен ничего не ответил. Он ушёл в темноту двора, и его молчание было хуже любого ответа.

* * *

Ночью Арен проснулся от шума воды. Несколько секунд он не понимал, где находится: над ним чернели ветви, сквозь которые пробивался неровный лунный свет, а вокруг пахло сырой землёй и дымом. Потом память вернулась. Они остановились на ночь у старого охотничьего навеса, полуразвалившегося, но всё же дававшего кое-какую защиту, и Марек, устроив лошадь неподалёку, лёг у костра, скрестив руки на груди. Он спал. Арен осторожно поднялся, стараясь не шуметь, и вышел к реке.

Облака разошлись. Впервые за двое суток он увидел звёзды — россыпь холодных, ясных, невероятно далёких огоньков, отражавшихся в тёмной воде, и на мгновение ему стало почти хорошо. Он сел на плоский камень у самого берега, стянул сапоги и обнаружил, что левая нога стёрта до крови: пятка превратилась в один сплошной ожог, а носок прилип к ране. Он выругался вполголоса, достал из кармана кусок ткани и, смочив его в реке, приложил к пятке. И боль исчезла.

Арен замер. Это произошло не постепенно, не так, как боль утихает под холодным компрессом, а сразу, будто кто-то щёлкнул выключателем. Он медленно убрал ткань, ожидая увидеть кровавую ссадину, и обнаружил, что кожа цела. Никакой крови. Он провёл по пятке пальцами и нащупал лишь тонкую красную полоску, слабо саднившую под прикосновением. Через несколько секунд исчезла и она. Он долго смотрел на ногу, потом на свою ладонь, вспомнил слова отца — «бессмертные не стареют» — и почувствовал, как по телу прошёл холод, не связанный ни с ночным воздухом, ни с мокрой одеждой. Холод пришёл изнутри, от мысли.

Он не хотел быть бессмертным. Никогда. Смерть пугала его, как пугает любого человека, — мгновенно, физически, до дрожи в коленях, — но представить, что она может не прийти совсем, было ещё страшнее. Потому что тогда придётся задать вопрос, от которого невозможно отвернуться: что останется от человека через сто лет? Через двести? Через пятьсот? А если проживёшь столько, что перестанешь помнить лицо собственной матери?

Арен поднялся, не зная, куда девать эту мысль, и в этот момент услышал за спиной хруст ветки. Он резко обернулся. Между стволами никого не было — только лес, тёмный и безмолвный, залитый бледным лунным светом.

— Отец?

Ответа не последовало. Он вернулся к навесу, чувствуя, как мурашки бегут по спине, и обнаружил, что Марек уже не спит, а сидит у костра, глядя на огонь.

Он спросил, был ли тот у реки. Да. Зачем? Ногу натёр. Марек перевёл взгляд на его лицо: и что? Арен помолчал и признался: прошла. Отец опустил глаза, и Арен понял по этому короткому движению — по тому, как дрогнули веки, как чуть сильнее сжались губы, — что тот всё знает и не удивлён. Он сел напротив, через костёр, и спросил, глядя на языки пламени, было ли у него такое раньше. Да. Когда? В детстве. Почему ты ничего не говорил? Потому что дети быстро заживают. Не настолько, сказал Арен, и Марек не стал спорить. Ты знал, что со мной что-то не так. Да. И всё равно оставил меня там. Я хотел, чтобы ты жил, сказал Марек тихо. А теперь? Отец посмотрел в тёмный лес, туда, где заканчивался свет огня, и ответил не сразу: теперь я не знаю, получится ли.

Арен собирался ответить, но далеко в лесу снова хрустнула ветка — теперь ближе, отчётливее, так, что не осталось сомнений: там кто-то есть. Марек медленно поднялся, вынимая нож, и Арен встал следом, чувствуя, как холод разливается по рукам. Кто там? — прошептал он. Луна вышла из-за облака, осветив стволы деревьев, и между ними что-то мелькнуло — слишком быстро, чтобы разглядеть, слишком плавно для животного. Не двигайся, выдохнул Марек. Арен сжал кулаки. И из темноты донёсся голос.

— Марек Вейр.

Отец побледнел. Голос был мужским, спокойным, почти дружелюбным — голос человека, который не сомневается, что его выслушают.

— Мы знаем, что он с тобой, — произнёс он. Марек поднял нож и спросил, кто они. Из леса никто не вышел, только тишина стояла плотная, вязкая, и голос повторил: им лучше отдать мальчика. Сердце Арена ударило сильнее, гулко, как колокол. Марек сделал шаг вперёд, заслоняя его собой.

«Он не мальчик», — сказал Марек. Для них — нет. Тогда пусть подойдёт и заберёт его сам. Пауза повисла долгая, как вдох перед прыжком, и голос ответил всё так же спокойно: не сейчас. Что-то свистнуло. Марек резко толкнул Арена в сторону, и стрела ударила в ствол дерева там, где мгновение назад была его грудь, глубоко вонзившись в кору и дрожа оперением. Бежим! — крикнул Марек. Они бросились к лошади. Арен схватил повод, дрожащими руками отвязывая узел, Марек вскочил в седло, протянул ему руку — садись! — и Арен, не разбирая, за что хватается, запрыгнул позади него. Лошадь рванула с места так, что он едва не слетел, вцепившись отцу в пояс. Позади раздались крики. Ещё одна стрела пролетела мимо, обжигая воздух возле уха. Арен обернулся: между деревьями двигались люди — не трое, гораздо

больше, — тёмные фигуры в серых плащах, быстро, бесшумно, словно скользя над землёй, и среди них он различил высокого человека с широкой полосой чёрного железа на поясе.

«Они нас нашли!» — крикнул Арен. Он знал. Что теперь? Марек смотрел только вперёд, в темноту тропы, где мелькали ветви и звёзды.

— Теперь начинается охота.

Лошадь понеслась по мокрой тропе, разбрызгивая грязь, и ночной лес закрутился вокруг, слившись в единый чёрный вихрь.

* * *

А далеко позади, на краю леса, Лиара Сорен остановила коня. Она спешила и присела у тропы, разглядывая следы копыт: свежие, глубокие, ещё не размытые дождём, с неровным отпечатком треснувшей подковы. Она коснулась грязи кончиками пальцев, потом подняла взгляд. Впереди уходила дорога, и на ней тянулся след одной лошади, несущей двоих.

— Вейр, — сказала она тихо. Кастен подъехал к ней, и лошадь под ним фыркнула, выпуская облачко пара; он спросил, нашла ли она след, и она подтвердила: да. «Тогда вперёд». Лиара вскочила в седло. Она ещё не знала, что человек, которого ей приказано найти, станет самым трудным решением в её жизни. Не знала, что однажды ей придётся выбирать между приказом и ним. И не знала, что через несколько дней впервые увидит, как человек умирает — и возвращается обратно. Пока она знала только одно. След был свежим. Арен Вейр был впереди. И Лиара должна была его найти.

Глава 3. Охота

— ◆ —

К рассвету дождь наконец отступил. Он не ушёл совсем — просто перестал падать с неба и превратился в густой белёсый туман, который лежал над низинами, цеплялся за кусты и клочьями полз по дороге, обволакивая стволы деревьев так плотно, что те казались нарисованными на мокрой бумаге. От земли поднимался пар. Колеи, оставленные телегами, наполнились мутной водой, на траве дрожали крупные холодные капли, и даже воздух, тяжёлый и влажный, пах не весной, а старой прелой листвой и ещё чем-то железным, похожим на запах крови.

Арен проснулся оттого, что ему в лицо упала вода — то ли капля с ветки над головой, то ли щедрая пригоршня, брошенная чьей-то рукой. Он открыл глаза и несколько секунд бессмысленно смотрел в серое небо, пытаясь понять, где находится и почему всё тело болит так, будто его всю ночь били палками. «Вставай», — сказал Марек, стоявший рядом с лошадью и поправлявший упряжь. Арен сел, и спина отозвалась тупой, ноющей болью, от которой на мгновение потемнело в глазах. Ночью они почти не спали: после погони остановились только перед рассветом, когда лес стал настолько густым и тёмным, что преследователи, по крайней мере по мнению Марека, потеряли их след. Сам Арен в этом уверен не был. Он поднялся, натянул сапоги, стараясь не думать о том, что левая пятка, ещё вчера стёртая до крови, теперь не болела совсем, и посмотрел на отца.

Он спросил, спал ли тот вообще, и услышал: «Немного». Когда? Когда Арен спал. Значит, почти не спал. Марек затянул ремень дорожной сумки и не стал ни спорить, ни оправдываться — только сказал, что этого достаточно. Арен хотел возразить, что это неправда, что у отца под глазами залегли серые тени, а руки двигаются слишком медленно, как у человека, делающего последнее усилие перед падением, но промолчал. Он уже понял одну вещь: Марек не собирался рассказывать всё сразу. Не потому, что не доверял ему. Скорее, потому, что боялся, и этот страх, глубокий, молчаливый, привычный, как старый шрам, был хуже любого недоверия. Арен привык считать отца человеком, которого трудно напугать. В детстве он видел, как Марек один остановил пьяного наёмника, вдвое тяжелее его самого, — спокойно, без крика, просто встав в дверях и посмотрев ему в глаза. Видел, как тот голыми руками вытащил соседского мальчишку из горящего сарая, обжигая ладони о тлеющие доски. Видел, как после несчастного случая в

кузнице отец зашил себе глубокую рану на предплечье кривой иглой и продолжил работу, будто ничего не произошло, и только пот на лбу выдавал, чего это стоило. Но вчера, в ту минуту, когда стрела впилась в дерево там, где секунду назад была грудь Арена, Марек испугался. Не за себя. За него. И это меняло всё.

Куда теперь, спросил Арен. К переправе. Та, что выше по реке? Так и есть. А потом? Потом на восток. Куда именно? Марек посмотрел на него, и в уголках его глаз мелькнуло что-то похожее на усталую иронию: «Пока не знаю». Арен усмехнулся и заметил, что отец очень любит это выражение. «Потому что оно часто оказывается правдой», — ответил тот, и они двинулись дальше, ведя лошадь в поводу.

Первые два часа дорога шла спокойно — слишком спокойно, как бывает перед грозой, когда воздух замирает и даже листья перестают шевелиться. Лошадь шла шагом, иногда скользя копытами на мокрой глине, Марек почти не разговаривал, а Арен то и дело оглядывался, вглядываясь в туман за спиной, откуда в любую минуту могли выехать всадники. Но там никого не было. Лес стоял неподвижно, отяжелевший от воды, и постепенно, по мере того как рассеивалась мгла, в нём начали просыпаться птицы. Сначала где-то далеко закричала сорока, резко и гулко, потом на другом берегу реки ей ответила ещё одна, потом зазвенели синицы, заскрипел дятел, и ветер, поднявшийся к середине утра, принялся потряхивать ветки, роняя вниз холодные капли. Обычный весенний день. Если, конечно, не знать, что за тобой охотятся.

Арен всё чаще ловил себя на том, что прислушивается к каждому звуку: копыта, ломающаяся ветка, птичий крик, оборвавшийся слишком резко, человеческий голос, который на деле оказывался лишь ветром в ветвях. Он начал понимать, почему люди, живущие на границе, всегда смотрят на дорогу, прежде чем открыть дверь. Опасность редко приходит с шумом. Обычно она сначала становится тишиной.

Через несколько часов они достигли старой переправы. Когда-то здесь стоял мост — каменный, широкий, рассчитанный на тяжёлые телеги, — но теперь от него остались только два массивных основания по обоим берегам да несколько тёмных обугленных брёвен, застрявших между камнями в бурлящей воде. Марек спешил и подошёл к самой кромке, внимательно оглядывая реку. Дальше верхом нельзя, сказал он, но переправа есть: он указал рукой, и Арен увидел то, что сразу не заметил, — канат, толстый, смоленый, натянутый от одного берега к другому над самой водой, и небольшую деревянную платформу, притянутую к нему ржавыми кольцами. Паром. Старый, скрипучий, с потемневшими от времени досками, но целый. На противоположном берегу стояла крошечная будка, пустая, с раскрытой дверью, из которой ветер гонял по полу сухие листья.

Арен спросил, кто им управляет, и услышал, что раньше был старик. «А теперь?» — «Умер». — «Отлично», — пробормотал Арен. Марек подошёл к канату, повис на нём всем весом, проверяя крепления, и тот, глухо пропев, выдержал. Выдержит ли он лошадь, спросил Арен, и отец ответил: возможно. «Очень успокаивает». — «Поэтому пойдёшь пешком», — сказал Марек, и Арен, помолчав, заметил, что тот всё-таки умеет заботиться. Отец впервые за утро усмехнулся — коротко, по-настоящему, — и это неожиданно согрело Арена больше, чем целый час быстрой ходьбы.

Они погрузили лошадь на платформу, долго уговаривая её, глядя по шее и шепча что-то успокаивающее, потому что кобыла упиралась, косила глазом на бурлящую воду и всхрапывала, чувствуя под копытами качающиеся доски. Переправа двигалась медленно, нехотя. Канат скрипел, вода бурлила под ногами, белая пена бросалась на края платформы и стекала между досками. Арен стоял у самого края и смотрел вниз: река была настолько быстрой, что от одного взгляда на неё кружилась голова, — мутная, тяжёлая, полная обломков, она неслась мимо с глухим ворчанием, будто спешила куда-то, где её ждали.

«Не смотри», — сказал Марек. Арен ответил, что не боится высоты, и отец возразил: он не про высоту. Арен посмотрел на него: тот держался за поводья обеими руками и глядел

не на воду, а на тот берег, на тёмную стену леса за будкой паромщика. Он спросил, думает ли отец, что их догонят, и услышал: да. Когда? Если преследователи знают дорогу — сегодня. Если нет — завтра. И что тогда делать? Уходить. Куда? В Эйрен. Арен удивился настолько, что даже перестал смотреть на воду: разве отец не говорил, что туда нельзя? Он говорил про южные дороги, а Эйрен восточнее. Именно.

Арен задумался, слушая, как скрипит канат. Эйрен он знал только по рассказам: город в горах, окружённый шахтами, где добывают железо и то странное чёрное вещество, о котором отец никогда не говорил, а торговцы понижали голос. Он спросил, есть ли там человек, которому отец доверяет, и Марек долго молчал, прежде чем ответить: нет. Тогда зачем туда идти? Потому что там есть места, где легко исчезнуть. В шахтах, в горах. А если их найдут и там? Тогда они будут уходить дальше. А если это не поможет? Марек повернулся к нему, и Арен осёкся, увидев его лицо — спокойное, усталое, но с той особой твёрдостью в глазах, которая появляется у людей, давно решивших, за что они готовы умереть.

— Пока мы живы, — сказал он, — у нас есть варианты.

Он произнёс это спокойно, почти буднично. И Арен запомнил.

* * *

Лиара нашла первый след через два часа после переправы. Она ехала впереди отряда: Кастен оставил ей шестерых людей, хороших охотников, привычных к долгим погоням, но Лиара предпочитала идти первой — не потому, что считала себя лучше остальных, а потому, что умела читать след так, как читают открытую книгу. Человек оставляет о себе гораздо больше сведений, чем думает: сломанную ветку, глубину отпечатка, направление, в котором сдвинута грязь на камне, высоту примятой травы, даже то, как лошадь переставляет ноги под тяжестью седока. Земля помнила всех, кто по ней проходил, и нужно было только уметь её слушать.

Она остановилась, соскочила с седла и присела у края дороги, вглядываясь в мокрую глину. Здесь проходили две лошади: одна тяжёлая, с глубоким следом, вторая — легче, шедшая чуть в стороне. «Отец и сын», — сказала она, не оборачиваясь. Один из охотников, молодой, лет двадцати, подъехал ближе и склонился в седле, спрашивая, откуда она знает. Лиара указала пальцем на след: лошадь несёт двух людей. По глубине. Может быть, один человек с тяжёлым грузом? Тогда след был бы другим, объяснила она: вес распределяется иначе. Он кивнул, и по его лицу было видно, что он запомнит это.

Лиара пошла дальше пешком, ведя лошадь в поводу и не сводя глаз с земли. Через двадцать шагов она обнаружила отпечаток сапога: мужской, среднего размера, с почти стёртой подошвой. Рядом лежал второй след — глубже, шире, увереннее. Старший идёт первым, сказала она; когда охотник спросил, почему, ответила: привычка. Можно ли определить это по следу? Иногда. Она выпрямилась, сделала ещё несколько шагов, остановилась и опустила на одно колено: в мокрой траве, у самого корня куста, лежала маленькая металлическая деталь. Лиара подняла её и повертела на ладони — кусочек меди, тонкий, с одним обломанным зубцом, потемневший от времени. Она поднесла его к свету и рассмотрела внимательнее: форма необычная, слишком тонкая, слишком точная для обычного сельского инструмента, и зубцы расположены так, будто рассчитаны на очень маленькую, очень сложную работу. Охотник спросил, что это, и Лиара только пожала плечами, как и он сам. Но деталь она спрятала во внутренний кармашек плаща, где хранила самые нужные вещи, и не смогла бы объяснить, почему именно этот предмет показался ей важным.

Знала она другое. В отчёте, который вручил ей Кастен перед отъездом, о Вейрах было сказано всего несколько строк: Марек Вейр — мастер по ремонту механизмов, сын — Арен Вейр, двадцать пять лет, занимается тем же. Она смотрела на медный обломок и думала о том, что если Арен действительно связан с древним устройством, то ремесло, которым он занимался

всю жизнь, может оказаться не случайностью. Случайность могла объяснить многое. Но не всё. «Дальше», — сказала она, садясь в седло, и отряд двинулся.

* * *

К полудню Арен начал чувствовать усталость — не физическую, к ней он уже привык, а какую-то другую, глухую, оседающую на плечи тяжёлым влажным плащом. Он не жаловался, не хотел: после вчерашней ночи отец смотрел на него иначе, не как на сына, а как на нечто хрупкое и драгоценное, что необходимо доставить в безопасное место целым и невредимым, будто Арен был не человеком, а тонким механизмом, который сломается от неосторожного толчка. Это раздражало. Он молчал, но чувствовал, как раздражение накапливается где-то под рёбрами, тёплое и колющее.

«Остановимся», — вдруг сказал Марек. Почему? След. Он указал на землю: почти незаметный человеческий след, свежий, с отпечатком носка, слегка вдавленным в мягкую глину у корней ольхи. Арен присел на корточки и вгляделся. Наш? Марек покачал головой: нет. Откуда он тогда? Отец указал на лес, на тёмную полосу деревьев, уходившую вправо от дороги. Может, охотник, предположил Арен. Может быть. Но отец, судя по лицу, не был уверен.

Они свернули с дороги, и Марек повёл лошадь через кусты, ломая ветки и стараясь двигаться как можно тише. Через некоторое время они вышли на небольшой холм, заросший редким березняком, откуда открывался вид на реку и на противоположный берег, где вода блестела между чёрными стволами. Арен заметил движение внизу, у самой кромки воды: несколько всадников, двигавшихся вдоль берега неспешной цепочкой. Он присел за ствол и вгляделся — тёмные плащи, серые знаки на плечах. Орден, понял он, и Марек молча подтвердил кивком. Арен спросил, как они так быстро их нашли, и услышал: хороший след. Но ведь они ехали не по дороге. Всё равно оставили след, ответил отец.

Арен перевёл взгляд на лошадь, мирно жевавшую мокрые ветки, и в голове у него сложилась простая и неприятная мысль: её нужно бросить. Марек молчал так долго, что Арен переспросил, и наконец услышал: нет. Почему? Она нужна. А если из-за неё их найдут? Марек посмотрел на него долгим взглядом и сказал, что тогда остаётся надеяться, что их найдут слишком поздно. Арен не сразу понял, что тот имеет в виду, но через несколько минут понял. Марек повёл лошадь обратно к дороге, и Арен пошёл следом, не задавая вопросов. Они проехали около сотни шагов, оставляя на мокрой земле отчётливые, глубокие следы, затем свернули на север, к невысокому холму, и Марек, остановившись у зарослей, вдруг отпустил повод и хлопнул лошадь по крупу. Кобыла пошла вперёд одна, лениво, размеренно, оставляя за собой ровную цепочку отпечатков. Но их самих там уже не было: Марек вернулся к Арену пешком, ступая по камням и корням, где не оставалось следов, и они спрятались в густом ивняке у самой воды, среди голых мокрых прутьев, пахнущих горечью.

Через полчаса на дороге показались всадники. Лиара ехала впереди. Она остановилась у самого места, где Марек отпустил лошадь, и долго смотрела на следы, потом на лес. Кастен подъехал сзади, придерживая коня, и спросил, что там. «Они оставили лошадь». Значит, идут пешком? Нет, ответила она. Кастен нахмурился и потребовал объяснений. Лиара указала на следы: слишком ровные. Если бы на лошади ехали, задние отпечатки были бы глубже — вес седока смещён назад, а здесь глубина почти одинаковая. Лошадь шла одна. Он присмотрелся и медленно кивнул: она права.

Лиара слезла с коня, шагнула в сторону от дороги, к кустам, и остановилась, закрыв глаза. Несколько секунд она стояла неподвижно, слушая лес, ветер, реку, птиц. Где-то далеко стукнул дятел, сухо и звонко, и звук этот повторился, отразившись от холмов. Она открыла глаза и сказала, что они рядом. Насколько близко? Очень. Кастен улыбнулся холодной, спокойной улыбкой охотника, увидевшего добычу.

— Тогда найдём, — сказал он.

* * *

Арен услышал голос раньше, чем увидел её.

— Арен Вейр.

Он замер, вжавшись в мокрые ветви, и почувствовал, как пальцы Марека впились ему в плечо с такой силой, что заныла кость. «Не отвечай», — одними губами сказал отец, но было поздно: женский голос прозвучал совсем рядом, ровный, спокойный, без тени торжества, и в этом спокойствии заключалась вся угроза. Она знала, что он здесь. Ивняк зашуршал, раздвинулся, и между чёрными стволами появилась Лиара. Она была одна, с луком, на котором уже лежала стрела, и тетива была натянута ровно, без дрожи, так, что острие замерло на уровне груди Арена. Больше за её спиной никого не было видно, и двигалась она осторожно, не издавая ни звука, ставя ногу с той выверенной мягкостью, при которой не хрустит ни одна ветка.

Арен смотрел на неё, и мир вокруг словно сузился до одной точки. Он ожидал увидеть охотника Ордена таким, каким его рисовало воображение с самого детства: немолодого, тяжёлого мужчину с жёстким лицом, покрытым шрамами. Перед ним стояла женщина примерно его возраста. Тёмные волосы были собраны назад в тугий узел, одежда — практичная, серых и коричневых тонов, короткий плащ и кожаная защита на левом предплечье, у пояса — короткий меч с широкой чёрной полосой вдоль клинка. Лицо у неё было строгим, скуластым, с тёмными внимательными глазами, и в нём не читалось ни злобы, ни азарта — только сосредоточенное, почти усталое спокойствие. Она не выглядела человеком, который любит убивать, и именно поэтому Арену стало не по себе: такие люди опаснее всех. Они не получают удовольствия от насилия. Они просто считают его необходимым.

— Я не хочу причинять тебе вред, — сказала Лиара, не опуская лука.

Марек тихо засмеялся, и смех этот прозвучал сухо и безрадостно. Он спросил, зачем же тогда она пришла, и Лиара, не отводя от него взгляда, назвала его по имени: Марек Вейр. Он ответил: «Допустим», — и тогда она объяснила, что ей нужен его сын, чтобы задать ему несколько вопросов. Отец предложил задавать вопросы ему, но Лиара сказала, что уже знает о нём достаточно, и, пока Марек шагал вперёд, выходя из-за ветвей, она перечислила это спокойно, как зачитывают отчёт: что он скрывал сына двадцать пять лет, что он знал о древних механизмах гораздо больше, чем положено простому мастеру, и что его жена знала о Вечных.

При слове «жена» лицо Марека не дрогнуло, не исказилось. Оно просто закрылось, как закрывается дверь, за которой прячут самое дорогое. Лиара заметила это и всё же не опустила глаз, назвав имя: Элина Вейр. «Не произноси его», — сказал Марек так тихо, что Арен скорее угадал слова по губам, чем услышал. Она спросила почему, и он ответил, что она ничего не знает об этой женщине, а потому пусть не пытается использовать её имя против него. Лиара чуть опустила лук и сказала, что не использует. «Все так говорят», — ответил Марек, и в его голосе не было ни злости, ни вызова, только глубокая, старая усталость человека, слишком часто слышавшего одни и те же обещания.

Тогда Арен впервые нарушил молчание. Собственный голос показался ему чужим, слишком высоким и ломким, но он всё-таки спросил, что ей нужно от него, и Лиара повернула к нему голову. Их глаза встретились. Несколько секунд никто не двигался: ветер качнул ветви, и с них обрушился холодный дождь, зашуршав по листьям. Арен вдруг понял то, чего никак не ожидал понять. Она тоже была напугана. Не им — иначе руки её не были бы такими твёрдыми, — а тем, что могла узнать, если задаст правильные вопросы и получит на них правдивые ответы.

Она сказала, что он должен пойти с ней в монастырь Ордена. Он спросил, что будет потом, и услышал: «Я не знаю». «Значит, ты врёшь», — сказал он, и она тихо возразила, что нет. Тогда почему он должен ей доверять? Лиара долго не отвечала, и стрела в её руке не шелохнулась, и когда она наконец заговорила, слова прозвучали неожиданно просто: не должен. Она не просила о доверии, она просила только, чтобы он пошёл с ней добровольно. Марек рассмеялся — громче, резче, — сказав, что это хорошо придумано, и Лиара холодно ответила,

что может поступить иначе. Вот теперь я узнаю Орден, произнёс он. Ей приказано привести Арена. А если тот откажется? Тогда придётся заставить.

— Ты убьёшь меня? — спросил Арен.

Он услышал собственный вопрос как будто со стороны. Пальцы Лиары на древке лука едва заметно сжались, и она ответила, что убьёт, если выяснится, что он Вечный. А если не выяснится, то нет. Как она собирается это выяснить? Она посмотрела ему прямо в глаза без жестокости и без колебаний и сказала: «Есть способы». Марек шагнул вперёд, полностью заслонив собой сына, и потребовал, чтобы она ушла сейчас, пока это ещё возможно. Лиара качнула головой. Она не могла, потому что уже получила приказ. От кого? И вот тогда, впервые, Арен увидел на её лице сомнение — короткое, почти неуловимое, промелькнувшее и исчезнувшее так быстро, что можно было принять его за игру света. От Кастена, сказала она. Он руководил охотой. А выше Кастена? Лиара не ответила, и её молчание было красноречивее любых слов.

Марек внимательно смотрел на неё, и по его лицу проходила странная перемена: сначала проступила усталость, потом мрачная жалость, будто он видел перед собой не врага, а человека, попавшего в ту же ловушку, что и он сам. «Значит, ты сама не знаешь», — сказал он. Она возразила, что знает достаточно, но он покачал головой. «Я двадцать лет ошибался, — сказал Марек, и его пальцы сомкнулись на рукояти чёрного ножа. — Больше не хочу». Лиара мгновенно вскинула лук, шепнув «не надо», Марек повторил «уходи», и она ответила «не могу» так тихо, что слова почти потерялись в шуме дождя.

— Тогда стреляй.

— Остановись, — сказал Арен, повернувшись к отцу.

Марек не ответил. Арен шагнул вперёд, мимо его плеча, и Лиара тотчас перевела стрелу на него, так быстро, что острие оказалось в ладони от его груди. «Не подходи». Он напомнил ей, что она не хотела причинять вреда, и она подтвердила, что не хотела. Тогда пусть опустит оружие. Не может, потому что он может оказаться тем, кого она ищет. «Я человек», — сказал Арен. «Я знаю». «Тогда всё просто». Но Лиара смотрела на него так, будто видела не его, а кого-то другого, стоящего за его спиной, и сказала: «Нет. Я видела бессмертных. Они тоже когда-то были людьми».

Марек резко велел Арену отойти назад, но Арен не отступил. Он услышал, как в его собственном голосе прозвучало что-то новое, твёрдое, почти чужое: он спросил, верит ли она, что он один из них, и услышал, что она не знает. «Тогда проверь», — сказал он. Она нахмурилась и переспросила, как, и он напомнил ей о способах. Лиара молчала долго, а он сделал ещё шаг, так что остриё стрелы почти упёрлось в ткань рубахи. «Проверь». Не надо, ответила она. Потому что если она ошибётся... Она не закончила, и Арен вдруг понял, что впервые за всю погоню она по-настоящему боится. Не его. Последствий: того, что придётся делать, если проверка что-то покажет, и того, что придётся делать, если она ничего не покажет.

— Если я обычный человек, ты отпустишь нас?

Ответа он ждал так долго, что успел услышать, как капает вода с ветвей. Потом Лиара сказала: «Да». Марек резко повернул к ней голову, но Арен не заметил этого, потому что смотрел только на неё. Она медленно опустила лук, не выпуская его из рук, и острие теперь смотрело в землю. «Подними руку», — сказала она.

Арен подчинился. Лиара подошла слишком близко: он почувствовал запах дождя на её плаще, запах мокрой кожи от ремней и что-то ещё, тонкое и чистое, похожее на хвою. Она взяла его за запястье, и Арен вздрогнул: пальцы у неё были холодными, твёрдыми, с мозолями от тетивы. Она повернула его ладонь к свету и долго вглядывалась в неё. Никакой светящейся линии. Только кожа, испещрённая тонкими линиями судьбы и старыми шрамами от инструментов, — обычная ладонь обычного человека. «Видишь?» — спросил он. «Пока нет». Он не понял, что она имеет в виду, и Лиара, выпуская его руку, пояснила, что иногда признаки появляются не сразу. Она могла бы определить это по крови, но не сказала, как именно. Марек

встал между ними, коротко и жёстко бросив: «Достаточно». Ей всё равно придётся проверить, ответила она. «Не придётся», — сказал он. «Тогда попробуй», — и в уголках её губ дрогнуло что-то, что можно было принять за усмешку.

— Ты упрямый, — сказала она Арену.

— Мне часто это говорили.

— Я верю.

В этот момент за спиной Лиары хрустнула ветка. Она мгновенно развернулась, вскидывая лук, а Марек схватил Арена за плечи и повалил в мокрую траву. Стрела просвистела там, где мгновение назад была голова Лиары, и глубоко вошла в ствол ивы. Из леса раздался крик, и из-за деревьев выехали трое всадников. Впереди, придерживая рвущегося коня, был Кастен.

— Назад! — крикнул он.

Лиара отступила на шаг, но не побежала, только вжала голову в плечи. Арен посмотрел на отца, и Марек, уже вытаскивая нож, коротко бросил: «Бежим». Они кинулись в лес, ломая кусты, спотыкаясь о корни, не разбирая дороги, а позади нарастал топот, лязг стали и крики. Лиара развернулась и выстрелила — не в беглецов, а в одного из своих, рванувшегося им наперерез: стрела ударила в ствол в ладони от его лица, и он замер, побледнев. «Не стрелять! — крикнула она. — Приказ изменился! Доставить живым!»

Кастен резко повернул к ней коня. Арен и Марек уже скрылись между деревьями, и лишь затихающий треск ветвей выдавал направление их бегства. Он спросил, с ума ли она сошла, какой ещё приказ, и она повторила: доставить живым. Кастен замер, потому что об этом приказе он не знал. Лиара сказала, что его отдал тот же, кто отдал новый приказ ему самому, и Кастен ответил, что никакого приказа ему не приходило. Она нахмурилась: значит, кто-то обошёл его. Кастен долго молчал, глядя туда, где исчез Вейр. В его глазах мелькнуло то, чего Лиара раньше в нём никогда не видела. Не злость. Тревога.

— Возвращаемся, — сказал он наконец. — Немедленно. Пусть бежит.

— Но Вейр...

— Теперь я хочу знать, кто приказал его не убивать.

* * *

Арен бежал до тех пор, пока лёгкие не начали гореть, а во рту не появился вкус железа. Марек шёл впереди, ни разу не оглянувшись, и они несколько раз падали, цепляясь за корни, пробирались сквозь мокрые кусты, которые хлестали по лицу и рукам, пересекали небольшие поляны, залитые бледным, рассеянным светом. Наконец Марек остановился, и Арен, тяжело дыша, привалился спиной к стволу берёзы и сполз на землю. Несколько минут они не произносили ни слова: слышно было только, как замедляется дыхание, как капает вода с ветвей и как где-то очень далеко, за деревьями, затихает шум погони.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.